

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЁМ

Вахитов Юлай Салаватович

преподаватель кафедры «Узбекского языка и литературы»

Алмалыкского филиала ТГТУ им. И. Каримова

Аннотация: Статья посвящена проблеме определения интертекстуальности как структурной составляющей художественного метода модернизма и постмодернизма.

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальность, модернизм, постмодернизм, цитатность, текст

Интертекстуальность как художественный прием является структурной составляющей двух литературных направлений XX века, последовательно сменявших один другой, - модернизма и постмодернизма. В учебниках по современному литературному процессу интертекстуальность (или иначе «цитатность») определяют как неизбежное восприятие мира постмодернистом, который привык видеть все окружающее как некий гипертекст со стертыми границами между литературой и реальной жизнью [1, С.23].

Классическое определение термина «интертекстуальность» содержится в работах двух французских ученых-филологов середины XX века Юлии Кристевой и Рене Барта. Теория Ю. Кристевой основана на концепции чужого слова и диалогичности, сформулированной М. Бахтиным. Вот что она пишет по этому поводу: «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности» [2, С.99].

Ей вторит Р. Барт, развивающий высказанную ею идею: «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [3, С.218].

Классическое толкование интертекстуальности, приведенное в работах Ю. Кристевой и Р. Барта, доказывает то, что само по себе явление интертекстуальности возникло задолго до XX века. К использованию аллюзий и реминисценций - отсылкам к произведениям предшествующих литератур -

прибегали многие авторы прошлого. Широко известно, например, что Сервантес использовал популярный в Средние века жанр рыцарского романа как основу для сюжета своего «Дон Кихота», одновременно пародируя и высмеивая литературные традиции этого жанра. Пушкинские «Повести Белкина» яркий пример такого цитирования в классической русской литературе. Каждая повесть сборника отсылает читателя к определенному направлению в русской и зарубежной литературе, а ориентированный на момент написания «Повестей» (Болдино, 1830) на реализм Пушкин к тому же иронично осмысливает сделанное его предшественниками, литераторами XVIII века, в частности, сентименталистом Н. Карамзиным.

Следующая проблема, возникающая при рассмотрении термина «интертекстуальность», это соотнесенность понятий - претекст и метатекст (текста-основы и нового высказывания о нем). О. Ронен, автор термина *subtext* (подтекст), прямо говорит о том, что более поздние тексты, впитывая в себя фрагменты и структурные элементы текстов более ранних, подвергают их «синхронизации и семантическому преломлению» [4, С.255-261], но не отвергают при этом и первоначальный смысл претекстов. Тем самым подчеркивается конструктивная, творческая функция приема цитатности, глубина и крепость связей между претекстом и метатекстом. В то же время такая спаенность, неразрывность двух текстов, «текста-отца» и «текста-сына», еще прежде в писательской среде привела к мысли об исчезновении такого понятия как авторство, когда стираются границы между «твоим» и «моим» в искусстве слова. На теоретическом уровне это явление Р. Барт обозначает «смертью автора», повлекшей за собой как следствие «смерть индивидуального, авторского текста», как бы растворенного в явных или неявных цитатах, а в конечном итоге, и «смерть читателя». В результате такой череды «смертей» «автор, текст и читатель превращаются в единое бесконечное поле для игры письма» [5, С.103].

Данная концепция легла в основу литературы постмодернизма с ее измененным вектором влияния, в котором читатель мыслится не просто как адресат, к чьему сознанию посредством художественного произведения обращается писатель, - читатель становится соучастником творческого процесса, соавтором, создающим вместе с писателем новый литературный мир. Роль автора в постмодернизме по сути сводится к роли стартера, дающего сигнал к началу нескончаемой игры домысливаний, построений ассоциативных рядов в произведении с помощью своего читателя. Естественно, подобная историко-литературная игра предполагает наличие подготовленного читателя, способного понять и оценить все ее тонкости, как минимум способного верно определить «литературные корни» той или иной цитаты.

Проблема интертекстуальности отнюдь не решается простым обоснованием термина «интертекст». Важно понимать, что помимо широкого и узкого его значения (по Р. Барту «каждый текст есть интертекст», В. Руднев же подчеркивает, что это характерный именно модернизму и постмодернизму «способ построения художественного текста») существует и такое явление, как ложное и явное цитирование, на которое первым указал Б. В. Томашевский. Этот исследователь делит все заимствования на три группы: «сознательная цитация, намек, ссылка на творчество писателя», «бессознательное воспроизведение литературного шаблона», «случайное совпадение» [6, С.210-213].

Все вышеизложенное никак не противоречит текстопорождающей, конструктивной функции интертекстуальности, на которую, как на основополагающую, указывает Н. А. Фатеева. Развивая данные Ю. Кристевой и Р. Бартом в своих работах определения цитатности, она пишет: «с точки зрения автора, интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтического «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов» [7, С.12-21].

Остается добавить, что современная постмодернистская литература не ограничивается включением сугубо литературных реминисценций в ткань художественного произведения. В связи с тем, что, как было отмечено, весь мир для постмодерниста это один нескончаемый текст, он может совершенно свободно ссылаться на реалии культуры в целом, в результате чего возникает цитатность по типу «текст-кинематограф», «текст-телевидение», «текст-интернет». Стоит отметить, что подобное расширение литературных рамок за счет привлечения приемов и составных понятий смежных искусств было свойственно и более ранней литературе, осуществлявшей диалог писателя и художника, писателя и архитектора, писателя и музыканта («Портрет» Н. В. Гоголя, «Собор Парижской богородицы» В. Гюго, «Моцарт и Сальери» А. С. Пушкина).

Список использованной литературы

1. Куртесова О. П. «Учебно-методическое пособие по теме: Активная лекция» Современная русская литература (литература конца 20 - начала 21 века), 2002
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967) // Вестник/МГУ. Серия 9. Филология. 1995. N 1
3. Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции, школы, термины. М., 1996. – 320 с.
4. Ронен О. Подражательность, антипародия, интертекстуальность и комментарий // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 42
5. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. – М., 1998. – 255 с.
6. Томашевский Б.В. Пушкин – читатель французских поэтов // Пушкинский сборник памяти С.А. Венгерова. М.; Пг., 1923.
7. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе. // Изд. Ан. Сер. лит. и языка. – 1997. – Т.56. – №5.